

**Научная конференция
Института истории материальной культуры
АН СССР и Института истории АН Армянской ССР,
посвященная археологии Кавказа**

В Ереване с 22 по 28 октября 1956 г. состоялась созванная ИИМК АН СССР и Институтом истории АН Армянской ССР научная конференция, посвященная археологии Кавказа. В работах конференции приняли участие научные учреждения и музеи союзных республик Закавказья, областей, краев и республик Северного Кавказа, Украинской ССР, а также центральные учреждения Союза ССР. Конференция имела пленарные и секционные заседания, на которых были сделаны доклады, освещающие актуальные вопросы археологии и древней истории Кавказа.

Конференцию открыл директор ИИМК АН СССР член-корр. АН СССР Б. А. Рыбаков. Со вступительным словом выступил акад. И. А. Орбели. Приветствовав прибывших на конференцию археологов, акад. И. А. Орбели отметил, что конференция, посвященная археологии Кавказа, является свидетельством того, что советские археологи, изучающие археологию и древнюю историю Кавказа, воодушевлены одной целью: совместными усилиями поднять советское кавказоведение и востоковедную науку на высоту тех задач, которые поставил перед советской исторической наукой XX съезд КПСС.

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ КОНФЕРЕНЦИИ

Е. И. Крупнов (Москва) — «Основные проблемы кавказской археологии». Дав краткую характеристику археологических работ конца XIX и первой половины XX вв., докладчик указывает, что накопленные вещественные источники далеко не полно освещают древнюю историю всей территории Кавказа, поскольку его изучение, в силу ряда причин, шло далеко не равномерно. Однако в этой работе археологи-кавказоведы достигли значительных успехов, позволяющих представить, в общих чертах, основную линию развития местного общества, начиная с эпохи нижнего палеолита и кончая эпохой позднего средневековья.

В связи с открытием на Кавказе следов стоябищ людей нижнего и верхнего палеолита, а также с изучением неолитических поселений, открываются широкие перспективы для разработки вопросов: о становлении примитивного человеческого общества, об этапах хозяйственного и социального его развития, а также о расселении древнего населения и процессе формулирования племенных групп. С открытием энеолитических памят-

ников северо-восточного Кавказа встает задача изучения этой культуры в общекавказском масштабе, выяснения судеб раннеземледельческих племен и их взаимоотношений с населением Передней Азии. При изучении разных периодов бронзового и раннежелезного веков возникают вопросы производственной деятельности населения Кавказа, взаимосвязи между памятниками культуры Кавказа и древнего Востока, определения времени и условий становления этнических общностей, а также выяснения ранних этапов этногенеза современных народов Кавказа. До сих пор все еще остаются неосвещенными основные вопросы, характеризующие процессы формирования рабовладельческих обществ и их культуры, а также созревание государственных образований на территории Армении, Грузии и Албании. Нерешенной остается и важнейшая проблема взаимоотношений местной культуры с культурой античного мира.

Изучение материалов киммерийской, скифской, савроматской и сарматской археологии выдвигает задачу выявления оживленных связей племен Кавказа со степным населением Юго-Восточной Европы.

Необходимо продолжать исследование средневековых городов Закавказья и памятников, характеризующих период становления классовых обществ. Это позволит глубже разработать вопросы взаимосвязей города и деревни, вопросы ремесла, этнического и социального состава городов и сел Кавказа.

Для более успешной разработки научной проблематики в докладе указывается на целый ряд вспомогательных задач научного и организационного характера.

Б. Б. Пиотровский (Ленинград, Ереван) — «Закавказье и древний Восток». Древняя культура Закавказья (III тыс.—пер. пол. I тыс. до н. э.) при своем самобытном развитии постоянно имела связи с культурами Передней Азии.

Вещественные показатели этих связей Закавказья с древним Востоком являются датирующими элементами. Энеолитическая культура центрального Закавказья, характеризующаяся первыми оседлыми земледельческо-скотоводческими поселениями, близка к энеолитической культуре III тыс. до н. э. северо-западной части Передней Азии и отличается от более древних месопотамской и южно-иранской.

В начале II тыс. до н. э. между богатыми скотоводческими племенами Кавказа и странами древнего Востока установились связи, обусловившие проникновение в Закавказье и на Северный Кавказ древневосточных предметов и влияний. Это влияние выразилось наиболее ярко в середине II тыс. до н. э. в памятниках богатых скотоводческих племен, установивших особенно тесные взаимосвязи с окраинными районами Хеттского царства.

Взаимоотношения Закавказья со странами древнего Востока становятся менее интенсивными в эпоху бронзы (конец II—нач. I тыс. до н. э.), когда в Закавказье возникают территориально ограниченные горные культуры, характеризующиеся близкими формами производства на значитель-

ной территории. В конце II тыс. и особенно в начале I тыс. в Закавказье появляются отдельные железные вещи. По всей вероятности, переход к обработке железа в странах развитой бронзовой индустрии обусловлен влиянием извне.

Отдельные железные предметы, появившиеся в то время, не привели еще к развитию местной железной индустрии.

В VIII в. до н. э. наблюдается усиление культурной взаимосвязи Закавказья с цивилизацией древнего Востока в связи с урартскими завоеваниями в южных областях Закавказья. К этому времени относится проникновение на Кавказ ассирийских и египетских изделий, наблюдается подъем развития производительных сил, в частности освоение обработки железных руд. В установлении связей между Кавказом и древним Востоком большое значение имело киммерийское и скифское движение VIII—VI вв. до н. э. в Переднюю Азию.

Развитие производительных сил в Закавказье в VIII—VI вв. до н. э. привело ко второму усилению земледелия, основанного уже на ирригации и применении плуга. Культура этого времени явилась основой новых государственных образований Закавказья — Армянского, Грузинского и Албанского.

А. А. Иессен (Ленинград) — «Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа». Подытожив результаты археологических работ на Северном Кавказе в послеоктябрьский период, докладчик ограничивается характеристикой основных вопросов неолита, бронзы, частично и раннего железа. Неолит Северного Кавказа изучен крайне слабо, поэтому периодизация, датировка и выделение локальных групп этой культуры возможны лишь в самом предварительном плане.

Энеолитическая культура, связанная с южнокавказским энеолитом и прослеженная в Дагестане и на северном склоне Кавказского хребта, относится к III тыс. до н. э. Памятники раннего периода бронзового века, известные ныне от Таманского полуострова до Кабарды, датируются второй половиной III тыс. В них ярко сказываются связи с древневосточным миром.

Средний период бронзового века известен пока почти исключительно по погребальным памятникам. Хронологически этот период длился с XIX—XVIII до XIII—XII вв. до н. э. Наиболее полно известны памятники периода позднего бронзового века, характеризуемого на Северном Кавказе широким распространением оловянистой бронзы, а в самом конце периода и первичным использованием железа. Период этот падает на отрезок времени с XII—XI до VIII вв. до н. э. Многочисленные памятники этого периода входят в отчетливо выделяющиеся группы, генетически связанные с группами предшествующего времени (степная, прикубанская, кобанская, каякентско-хорочоевская).

Следующий этап характеризуется распространением культуры скифского типа (VII—VI вв. до н. э.) и широким освоением железа.

После скифских походов, в I половине VI в., сказывается отчетливое влияние культуры Урарту и складывается архаическая «скифская»

культура в ее классическом выражении. По этнической принадлежности памятники этой культуры должны быть отнесены к собственно-скифским племенам, а очень близкая к ней культура Прикубанья и отчасти черноморского побережья должна быть отнесена к древнему местному населению, к меотским племенам.

Изучение этих материалов значительно изменяет прежние представления о «стадиальном» и целиком автохтонном процессе исторического развития. Границы культурных областей на Северном Кавказе очень устойчивы и в известной мере сохранились от эпохи бронзы до развитого средневековья, но этого еще недостаточно для утверждения о непрерывности преобладания населения. Происходили смены населения без существенного изменения культурных границ. Основная культурная граница в рассматриваемое время делит территорию Северного Кавказа на две зоны:

а) Степное Предкавказье, входившее в область степных культур Причерноморья, Приазовья и Поволжья; б) все остальные районы Северного Кавказа, принадлежавшие в культурном отношении к собственно-кавказским областям.

В задачу дальнейших работ по археологии Северного Кавказа входит заполнение пробелов в отношении отдельных периодов и территорий путем дальнейшего накопления источников, систематизация материалов по хронологическим этапам и локальным группам, без чего невозможен переход к конкретной истории древнего Северного Кавказа, тесный контакт с работами на смежных территориях для синхронизации соответствующих культур, без чего невозможно конкретизировать характер взаимоотношений между их населением. Необходимым условием для выполнения намеченных задач является резкое улучшение дела охраны памятников.

И. М. Джафар-Зале (Баку) — «Наскальные изображения Кобыстана». Докладчик продемонстрировал воспроизведения наскальных изображений Кобыстана, в которых имеются рисунки людей, саблерогих козлов, диких быков, оленей, лодок, сцен охоты, ритуальных танцев. Попадают также рисунки лошадей, львов, волков, змей, рыб, тамги, различные знаки, надписи арабским алфавитом. Комплексы наскальных изображений Кобыстана, в зависимости от времени их воспроизведения, отличаются друг от друга по технике исполнения, композиции и размером. Крупные рисунки животных и людей выполнялись в более древние века (V—III тыс. до н. э.), когда охота занимала в быту важное место. В эпоху бронзы размеры наскальных изображений постепенно уменьшаются, но манера передачи фигур остается почти без изменения.

В период арабского владычества и позднее эти рисунки стали более схематичными. Рисунки же последних веков являются подражанием более древним. Разные их напластования помогают установлению относительной датировки наскальных изображений.

Месторасположение этих памятников в прошлом носило культовый характер. Об этом свидетельствует наличие в данном районе святилищ

(пиров), а также надпись на арабском алфавите (XIII—XIV вв.) на холме Язылы.

Ф. Н. Тавадзе, Т. Н. Сакварелидзе, Ц. Н. Абесадзе, Т. А. Двали (Тбилиси) — «Металлургия меди и бронзы в древней Грузии». Начиная с 1947 г. в лаборатории металловедения Института металла и горного дела АН Грузинской ССР и в химико-реставрационном кабинете Гос. музея Грузии ведется металлографическое исследование и металлургический анализ добытых раскопками многочисленных предметов из меди и бронзы, которые характеризуют развитие металлургии бронзы древней Грузии с самого начала ее возникновения.

Исследование мелких медных предметов эпохи неолита показало, что они изготовлены из маломышьяковистых образцов самородной меди путемковки. Предметы раннебронзового периода содержат мышьяк, при этом более ранние из них содержат 1—2%, а более поздние — до 6%. В изделиях среднебронзовой поры, кроме мышьяка, обнаружены сурьма и олово. Этот период характеризуется значительным развитием металлургического очага, совершенствованием опыта плавки, литья, горячей и холодной обработки заготовок.

В эпоху поздней бронзы развитие бронзовой металлургии достигает своего высшего расцвета как по процессу выплавки чистых металлов, так и получения сплавов заданного состава. Литейщики того времени хорошо познали свойства металлов и широко использовали различные формовочные материалы и металлические формы. Многовековой опыт металлургии меди и бронзы явился основой для начала производства железа путем прямого восстановления его из окислов в сыродутных горнах и выделывания предметов методами горячейковки.

К. В. Тревер (Ленинград) — «К изучению Кавказской Албании». Для дальнейшего исследования истории государственного объединения Албании, занимавшей значительную часть Азербайджанской ССР и горный Дагестан в период с IV в. до н. э. по VII в. н. э., особенно важным является исчерпывающее сопоставление данных по первоисточникам, письменным и вещественным. Эти источники позволяют наметить три основных этапа в истории развития культуры алванов.

Первый этап (IV—II вв. до н. э.), до сложения алванской государственности, характеризуется общностью культурных явлений у алванских племен, у народов и племен Закавказья, Передней и Малой Азии.

Второй этап (I в. до н. э. и до III в. н. э.) является периодом расцвета местной культуры, который сопутствует завершению процесса объединения разноязычных племен и сложения алванского государства.

Для третьего этапа (IV—VII вв. н. э.), ознаменованного политическим, военным и культурным сплочением феодальной Албании с Арменией и Иберией в общей борьбе с сасанидским Ираном, Византией, с хазарами и затем с арабами, — характерна общность материальной культуры у народов Албании, Армении и Иберии, а также Северного Кавказа, Ирана и отчасти Византии.

Новый этап в развитии культуры Кавказской Албании наступает при арабах, причем наблюдается сохранение древних традиций в памятниках материальной культуры X—XIV вв.

Ш. А. Месхиа, Г. А. Ломтатидзе, З. Анчападзе (Тбилиси) — «Средневековый город Грузии». Феодальные города IX—XIII вв. — Тбилиси, Дманиси, Рустави, Самшвилде, Ахалцихе, Ахалкалаки, Артануджи и другие — являлись крупными центрами ремесла и торговли. Основную часть городского населения составляли свободные ремесленники и купцы, а крупные купцы представляли верхушку. Города находились в руках царя или крупной феодальной аристократии («дидебулни»). Борьба за овладение городами между царской властью и «дидебулами» окончилась в XI—XII вв. поражением «дидебулов».

В XII—XIII вв. в городах Грузии особенно острый характер принимает классовая борьба.

Исторический облик, материальная культура городов средневековой Грузии значительно пополняются и уточняются благодаря археологическим раскопкам, начавшимся с 1936 г.

Наиболее важным оказались результаты работ в Тбилиси, Дманиси и Рустави.

Раскопками в Тбилиси вскрыты остатки городских стен и пристроенных к ним мастерских по производству керамических и стеклянных изделий. Материалы, добытые раскопками, характеризуют как устройство, технологию и разнообразную продукцию этих мастерских, так и быт ремесленников. Изучение керамических изделий из городов XI—XIII вв. делает несомненным наличие в Грузии сильной производственно-художественной школы, характеризующейся самобытными чертами и связанной одновременно с закавказской и переднеазиатской традицией. То же самое можно сказать о стекле и отчасти о ювелирной продукции. Раскопками в Дманиси выявлены: городские ворота, винные склады, зернохранилища, хлебные печи, лавки, а в самом вышгороде — жилища представителей верхушки. Памятники материальной культуры подчеркивают резкость социальных контрастов в городе. В свете археологических исследований Дманиси предстает в виде средневекового города, типичного не только для Грузии, но и для всего нагорного Закавказья.

Обнаружение сельскохозяйственного инвентаря при раскопках свидетельствует о том, что некоторая часть городского населения еще не совсем порвала связи с сельским хозяйством, продукты которого ею и продавались.

Археологическими исследованиями последних лет зафиксирован высокий уровень городского хозяйства и городской культуры во всех их проявлениях.

Б. Н. Аракелян (Ереван) — «Средневековый город Армении». Возникновение и формирование феодального города в Армении произошло в IX—X вв. на основе развития производительных сил общества, приведшего к отделению ремесла и торговли от земледелия и обособлению города от деревни. Процесс этот обуславливался также усилением закре-

пощения (IX—XI вв.) крестьян-шмаканов и бегством их в города, возникновение и рост которых в значительной мере зависели также от развития международной транзитной торговли на Ближнем Востоке, одним из основных центров которой стала Армения в IX в.

Крупными городами, возникшими в IX—X вв., были Двин, Ани, Арзн, Карс, Карин-Эрзерум, Арзанган, Ван, Маназкерт, Ахлат и Мая-фиркин, но подавляющее большинство городов оставалось малоразвитым и почти не отличалось от больших селений. Наличие подобных городов сугубо местного значения с преобладающим числом земледельческого населения является характерной чертой средневековья.

В средневековом городе Армении развивается ремесло, происходит широкое разветвление основных ремесел и возникновение новых самостоятельных ремесленных отраслей и специальностей. Все это удовлетворяет потребности растущего товарного производства. Основной формой разделения ремесленного производства являлись городские цехи, занимавшие отдельные ряды в городах. В городах Армении, кроме цехового управления, возник также общегородской совет цеховых старейшин — «атян цероц».

В X—XIII вв. города Армении приобретают характерную сословную структуру и облик, возникают городское сословие («калакаканк»), прослойка городской верхушки «мецатунув», развивается городское самоуправление, которое, однако, не достигает уровня городов-республик.

Во второй половине XII в. и в первой трети XIII в. наивысшего развития достигли в Армении городская жизнь, торговля и ремесленное производство. Социально-экономическое и культурное развитие Армении в X—XIII вв. находилось на высоком уровне. В городской жизни XII—XIII вв. появились черты, характерные для эпохи, предшествовавшей Возрождению в Европе. Однако развитие в этом направлении было прервано монгольским нашествием, приведшим к упадку хозяйства Армении.

ДОКЛАДЫ НА СЕКЦИОННЫХ ЗАСЕДАНИЯХ КОНФЕРЕНЦИИ

Секция древнейшей истории

В. П. Любин (Ленинград) — «Исследования палеолита в Юго-Осетии». В течение пяти лет (1951—1955) на территории Юго-Осетии обнаружено около 30 ашельских и мустьерских местонахождений. Собранные ашельские материалы могут быть отнесены к средней поре ашельской эпохи. Это дает основание предполагать, что район Юго-Осетии, а возможно и всего центрального Закавказья, был заселен людьми не ранее конца ашеля древнего.

Мустьерские находки имеют левалуазский облик.

Все нижнепалеолитические находки связаны с речными террасами левых притоков Куры.

В 1955 г. в Юго-Осетии открыта первая на Кавказе высокогорная палеолитическая стоянка Кударо. В пещере найдены мустьерские кремни и остатки ископаемых животных.

Обнаружение этих материалов в пределах среднегорной и высокогорной полос южного большого Кавказа впервые показывает, что Кавказский хребет не являлся непреодолимой преградой.

В. Г. Котович (Махачкала) — «К вопросу о каменном веке Дагестана». Исследование памятников каменного века, начатое в Дагестане в 1936 г., продолжается до сих пор.

В настоящее время в Дагестане выявлено два палеолитических местонахождения (Гуджух и Чумус-Иниц), приуроченные к третьей древнекаспийской террасе севернее Дербента. Изделия этих стоянок могут быть отнесены, в основном, к мустьерской эпохе.

Мезолит Дагестана характеризуется в основном материалами Чохской стоянки, культурный слой которой залегает под мощным слоем темноцветного суглинка и содержит большое количество кремня (30 000 экз.), костей животных, золы и комочков охры.

Неолит представлен материалами стоянок Буйнакск, Тарнаира, Архин-да и Малин-Карата. На плоскогорных стоянках (Тарнаирской и Буйнакской) преобладают ножевидные пластинки, скребки, резцы из кремня. Датировка их определяется находками клиновидного топора с подшлифованным лезвием и обломка обуха топора с проемным отверстием.

На горных стоянках собран небольшой материал, в том числе крупные ножевидные пластины с крутой ретушью, микропластины, резцы и др. Обломки керамики отличаются архаичностью и дают основание полагать, что эти стоянки относятся к концу неолита. Проведенные по изучению каменного века работы указывают на то, что территория Дагестана была заселена с середины четвертичного периода. Деятельность людей в горном Дагестане началась не позже конца ледниковой эпохи.

О. А. Абибуллаев (Баку) — «Предварительные итоги раскопок холма Кюль-тепе». Раскопками холма Кюль-тепе выявлено четыре культурных слоя мощностью более 21 м.

Нижний слой (толщ. 8,3 м) начинается на глубине 12,8 м и состоит из остатков жилищ (ямы для столбов, очажные места, части кладок, обмазанные участки пола) и погребений со скорченными костяками без инвентаря. Каменные орудия (клинья, молот, топор, зернотерки, ступы), костяные проколки и ложила, грубо вылепленные сосуды баночной и боченкообразной формы, а также фрагменты расписной керамики, встречаются в Азербайджане впервые.

Второй слой начинается на гл. 3,5—4,5 м и доходит до 12,3—12,4 м (толщ. 9 м). Кроме остатков жилищ, в этом слое обнаружены каменные и костяные орудия, предметы из меди (нож, булавки и др.), а также керамика, характерная для энеолита Закавказья.

Третий слой более 2 м толщины продолжается до 3,5—4,5 м глубины от вершины холма. Здесь обнаружены остатки кладок из сырцового кирпича и пола из больших каменных плит, а также очажные места. Керамика этого слоя состояла из кувшинов, горшков, чаш с красными че-

репками, но имеются и черные и серые, а также расписная керамика, типа так называемого Кизил-Ванка I.

Последний слой (верхний) доходит до 1,5—2,5 м глубины. Здесь обнаружены впускные мусульманские погребения, а также керамика, состоявшая из кувшинов, горшков и чаш, вылепленных на гончарном круге. Имеется и расписная керамика типа Кизил-Ванк II.

Изучением наличного материала устанавливается, что холм Кюльтепе в течение длительного времени служил местом поселения, которое предварительно подразделяется на следующие периоды: нижний слой — переходный от неолита к энеолиту; второй относится к позднему энеолиту; третий — к бронзе; четвертый — к раннему железу.

И. Нариманов (Баку) — «Сообщение о раскопке холма на окраине г. Казаха». В 1956 г. начались раскопки большого холма диам. 100 м, выс. 10 м, расположенного на западной окраине г. Казаха. Верхние слои этого холма представляют остатки поселения позднебронзового периода, где сохранились следы постоянных и легкого типа жилищ.

Каменные, керамические и бронзовые изделия, найденные в поселении, а также обнаруженные в большом количестве кости домашних животных, остатки зерен пшеницы и ячменя, указывают на основные отрасли хозяйства эпохи бронзы. Раскопкам подвергнута незначительная часть холма. Дальнейшие раскопки дадут новые данные о хозяйстве и культуре населения края в эпоху бронзы.

Н. Р. Селихманов (Баку) — «О составе медно-бронзовых сплавов из археологических раскопок и их источниках сырья эпохи бронзы в Азербайджане». Археологическими раскопками на территории Азербайджана обнаружено огромное количество металлических изделий, физико-химическое исследование которых имеет важное значение для установления их состава и выяснения характера руд, использованных для выплавки металла.

Наиболее ранние из исследованных изделий обнаружены при раскопках холма Кюльтепе (III тыс. до н. э.). Они были изготовлены из сплава меди с мышьяком. Очевидно, что в указанный период древние металлурги освоили производство комплексной плавки медных и мышьяковых руд, месторождения которых имеются неподалеку от г. Джульфы и в районе Кедабека.

Медные изделия встречаются в большом количестве в эпоху бронзы. Часть их имеет небольшое содержание олова, что объясняется совместной плавкой медных и медно-оловянных предметов. Для выплавки первоначальной руды использовался медный колчедан, а месторождения меди находятся в Кедабеке, в северной части нагорного Карабаха, в Загезуре, Кафале и в других пунктах.

Медно-оловянные изделия (сплавы, содержащие олово более 2%) содержат до 18% олова. Остальные элементы являются естественными примесями и составляют совершенно незначительный процент.

Среди бронзовых изделий выявлено большое количество предметов, в составе которых олово заменено дешевым местным оловом. Использо-

вание свинца могло быть неограниченным, так как месторождения свинцового блеска имеются в Нагорном Карабахе, в Нахичевани и в других пунктах.

Металлургам древнего Азербайджана были известны высокие физические свойства медно-сурьмянистых сплавов. Этим объясняется наличие ряда изделий, содержащих сурьму, процент которой достигает до 14. По всей вероятности, сурьма извлекалась из антимонита Джульфинского месторождения, которое было известно давно.

Т. Н. Чубинишвили (Тбилиси) — «К вопросу о стратиграфии и хронологии памятников эпохи бронзы в Картлии». При сопоставлении материалов самтаврского могильника с материалами Закавказья выявляется некоторая несогласованность в существующей ныне периодизации и необходимость привлечения стратиграфических данных.

Изучением стратиграфии древнейших погребений самтаврского могильника в порядке относительной хронологии выделяются памятники среднебронзовой эпохи (погр. № 243), раннего этапа позднебронзового периода (погр. № 64) и переходной эпохи от бронзы к железу (погр. № 36). Здесь удается проследить генетическое развитие вышеуказанной цепи и отметить смену типологически разных предметов.

Железные изделия самтаврского могильника относятся к периоду, намного опередившему эпоху широкого распространения урартских изделий. Стратиграфия и другие данные самтаврского могильника расширяют старые хронологические границы эпох средней и поздней бронзы: позволяют отнести нижнюю границу переходного этапа от бронзы к железу к XIII—XII вв. до н. э.

Датировка грунтовых погребений самтаврского могильника указывает на необходимость пересмотра вопросов хронологии не только других синхронных памятников, но и более ранних археологических материалов всей восточной Грузии, в том числе и Триалети.

А. И. Джавахишвили (Тбилиси) — «К вопросу о художественной обработке металла в эпоху средней бронзы на территории Грузии». В эпоху средней бронзы наблюдается первый мощный подъем искусства художественной обработки металла. Художественные изделия из драгоценных металлов триалетских курганов середины II тыс. до н. э. занимают особое место. Они характеризуются, с одной стороны, традициями древневосточного искусства, с другой — новыми художественными приемами и признаками зарождения оригинального стиля. Анализ этих изделий вскрывает их связь с другими отраслями ремесленного производства, развитие которых было вызвано экономическим и социальным развитием общества — образованием больших племенных объединений.

Развитие ювелирного мастерства середины II тыс. создало благоприятные условия для общего подъема искусства художественной обработки металлов. На всех последующих этапах расцвета искусства художественной обработки металла до позднеантичного времени прослеживается единый процесс развития стиля.

А. О. Мнацаканян (Ереван) — «Курганы Лчашена». В 1956 г. проводились раскопки на осушенной территории оз. Севан, около сел. Лчашен. Открыто 14 кромлехов и 5 курганов. Особенно богатыми оказались два больших кургана (№№ 1 и 2), давших чрезвычайно интересный материал.

Погребальный склеп первого кургана был построен из больших камней, имел каменное шатровое перекрытие и под ним деревянное перекрытие. В склепе находились четырехколесная деревянная повозка и деревянное ложе со скелетом на правом боку. Возле повозки находились остатки скелетов двух быков и кости других животных.

Среди многочисленного инвентаря обращают на себя внимание следующие изделия: котел, топоры, трезубец, кинжал, наконечники копий, модель боевой колесницы, сделанная из бронзы, «столик», лук (?), а также бусы из золота и различных камней.

Второй курган не отличался от первого устройством и содержал такой же богатый материал. В нем обнаружено: четырехколесная повозка с кибиткой, две большие двухколесные арбы, а также детская повозка. Возле первой повозки оказались черепа двух быков и лошади. Костяки погребенных (11) расположены были вокруг основного захоронения, где обнаружена основная часть инвентаря: бронзовые котлы, секиры, кинжалы в ажурных ножнах, статуэтки быков, козлов, птиц, золотые, деревянные и гончарные изделия. Могильное поле принадлежит большому поселению, остатки которого находятся рядом. В курганах захоронены вожди племени, территория которой в урартских надписях именуется «страной Иштикуни».

Секция древней истории

К. Л. Оганесян (Ереван) — «Архитектура урартских сооружений холма Арин-берд». На холме Арин-берд, или цитадели урартского города Ирпуни сохранился ряд светских и культовых сооружений времени царей Аргишти и Сардури (VIII в. до н. э.).

Культовые и общественные сооружения занимают юго-западную часть цитадели, жилые — северо-западную, а хозяйственные — восточную и юго-восточную части. Среди культовых сооружений особо выделяется храмовый комплекс с 30-колонным залом, тип которого получил свое дальнейшее развитие в иранских ападанах, и башнеобразное сооружение Susi, снабженное двумя параллельными клинообразными надписями у входа.

И. М. Лосева (Москва) — «Раскопки отряда ГМИИ им. Пушкина на Арин-берде». Раскопки отряда Гос. музея изобразительных искусств им. Пушкина ведутся на холме Арин-берд с 1952 г. За пять лет работы отрядом открыт чрезвычайно интересный комплекс помещений, представляющий единый храмовый ансамбль. Наиболее ценным достижением было открытие 30-колонного зала. В 1956 г. раскрыто пилонное помещение и добыт интересный археологический материал.

М. А. Израэлян (Ереван) — «Урартские надписи из Арин-берда». Наряду с другими материалами при раскопках Арин-берда были обнаружены также клинообразные надписи (1950 и 1956 гг.). Текст надписи 1956 года, трафаретный на первый взгляд, приносит новые важные данные. Так, бог Иуарша является местным верховным божеством; урартское сооружение представляло собой храм, посвященный исключительно всемогущему верховному богу.

А. А. Мартиросян (Ереван) — «Раскопки жилых кварталов города Тейшебаини». Город Тейшебаини, построенный в середине VII в. до н. э. на левом берегу р. Ильдаруния (ныне Раздан), в древней области Куарлини, являлся одним из крупнейших административно-хозяйственных центров, созданных урартами на Араратской равнине. Систематические раскопки цитадели и жилых кварталов города дают богатейший материал для определения социально-экономического уровня урартских городов VII в. до н. э. Работы, проведенные по изучению жилых кварталов за последние два года, позволяют уяснить ряд неосвещенных вопросов, дополняют и расширяют наши знания по истории и материальной культуре Тейшебаини.

Изучением архитектурных особенностей, строительной техники разнообразных жилых комплексов, открытых начиная с 1948 г., а также анализом вещественного материала, устанавливается, что состав населения города Тейшебаини был далеко не однородным ни в социальном, ни в этническом отношении.

О наличии в Тейшебаини мощного туземного элемента свидетельствуют также находки каменных идолов и фаллических изваяний, найденных не только на территории жилых кварталов и цитадели города Тейшебаини (в переотложенных слоях), но и в некоторых погребениях связанного с Кармир-блуром могильника, часть погребений которого относится к VI в. до н. э. Это означает, что неурартский аборигенный элемент продолжал жить здесь до начала VI в. до н. э.

Материалы города Тейшебаини и связанных с ним могильников прочно увязываются с памятниками раннеармянской культуры, с одной стороны, и с культурой аборигенов конца II и нач. I тыс. до н. э. — с другой.

Р. М. Абрамишвили (Тбилиси) — «К вопросу об освоении железа на территории восточной Грузии». Докладчик продемонстрировал богатый материал самтаврского могильника, характеризующий процесс освоения железа, который охватывает длительный промежуток времени и подразделяется на пять периодов.

Первый период (XIII—XII вв. до н. э.) — спорадическое появление отдельных железных вещей в памятниках позднебронзовой эпохи.

Второй период (XI—X вв. до н. э.) является переходным от производства бронзовых изделий к железным.

На третьем этапе (IX—VIII вв.) происходит широкое освоение железа на базе бронзовой индустрии.

На IV и V этапах (конец VIII в. по VI в. до н. э.) улучшается техническое качество железных предметов, появляются разнообразнейшие формы железных изделий, которые постепенно меняют свои формы, отойдя от бронзовых прототипов.

В эпоху освоения железа в восточной Грузии существовало два производственных центра — Триалети и остальная часть восточной Грузии. Имелась также соответствующая сырьевая база (руды в Квемо-Картли и более мелкие в других районах Грузии).

Технологический анализ железных изделий подтверждает предложенную схему освоения железа, имевшего огромное значение в экономике восточной Грузии первой половины I тысячелетия.

Н. В. Анфимов (Краснодар) — «Городища Закубанья (Адыгеи)». В последние 3 года экспедициями Адыгейского научно-исследовательского института начато систематическое археологическое изучение Адыгеи, что привело к обнаружению 22 меотских городищ. Они располагаются по высоким террасам рек и протоков, по культуре своей, типу, планировке и конфигурации аналогичны правобережным кубанским городищам, но отличаются от них своими небольшими размерами, отсутствием оборонительных сооружений и пр.

По размерам и планировке выделяются городища х. Султановского и Гутлукаевское 1-е. Ни одно из упомянутых городищ полностью еще не исследовано.

Наиболее ранние материалы относятся к VI—V вв. до н. э. На ряде городищ встречена керамика последних веков до н. э. Все это указывает на то, что некоторые городища могли существовать в Закубанье во II половине I тыс. до н. э. Большинство же известных в настоящее время городищ возникает в первые века н. э.

Г. А. Тирацян (Ереван) — «Опыт периодизации материальной культуры древней Армении (VI в. до н. э. — III в. н. э.)»¹.

Б. Н. Аракелян (Ереван) — «Стекло древней Армении». В древней Армении для изготовления стеклянных изделий применялись разные способы. Подавляющее большинство этих изделий изготовлено путем дутья и датируется I—III вв. Ряд высокохудожественных флаконов изготовлен с помощью форм. Для отделки разнообразных изделий применялись также резьба, накладной орнамент, точка на вращающемся круге и пр.

Стекло древней Армении разнообразно не только по способам изготовления и отделки, но и по цвету. Кроме недутых массивных бальзамариев и пуговиц-застежек, все остальное стекло прозрачное. Доминируют изделия зеленоватого, светло-голубого и желтоватого оттенков.

Стеклянные изделия, найденные на территории Армении (Гарни, Ашнак, Вагаршапат, Ошакан и др.), выявляют общие черты со стеклом стран античного мира, в частности Сирии. Некоторые из них являются

¹ Доклад печатается в третьем номере «Известий АН Армянской ССР», в 1957 г.

привозными, но основная их часть, имея самобытные черты, является продуктом местного производства. Изучение стеклянных изделий древней Армении приводит к выводу о том, что в I—III вв. стеклоделие в Армении находилось на уровне производства стекла других стран эллинистического мира.

Э. В. Ханзадян (Ереван) — «Музыкальные инструменты, обнаруженные во время раскопок». История армянских музыкальных инструментов является такой же древней, как и история армянского искусства.

Наиболее древними из добытых раскопками музыкальных инструментов являются бронзовые колокольчики и погремушки, принадлежавшие к шумовой группе ударных и получившие широкое распространение в Армении со II половины II тысячелетия.

Некоторое отклонение от современных дают бронзовые цимбалы Кармир-блур, датированные VII в. до н. э. Возможно, что определенная часть глиняных горшков и воронкообразных кубков эпохи развитой бронзы являлась барабанами. Таковые были широко распространены на древнем Востоке. Особо важную роль играли музыкальные инструменты в античной Армении. О свирелях и бубнах этой поры можно судить по гарнийским находкам и по изображениям на серебряной чаше армянского царя Бакура III.

При раскопках средневековых слоев были найдены 4 духовых инструмента из Двина и Гарии, а также изображение скрипки на стеклянном сосуде (Двин). Недостаток подлинных образцов музыкальных инструментов средневековья восполняется изображениями различных инструментов в миниатюре и на надгробных памятниках. Здесь имеется 3 типа инструментов — струнные, духовые, ударные.

Таким образом, музыкальные инструменты имели в Армении широкое распространение и были тесно связаны как с трудом народа, так и с его бытом и обычаями.

Т. И. Голубкина (Баку) — «Кувшинные погребения в Азербайджане». Под кувшинными погребениями понимаются захоронения в красноглиняных кувшинах определенного типа, принадлежавших к последним векам до н. э. и первым векам н. э., т. е. ко времени существования Кавказской Албании.

В этих погребениях встречаются орудия труда (зернотерки, серпы и пр.), предметы вооружения, главным образом из железа, утварь и красноглиняная посуда. Хотя эти погребения встречаются в некоторых районах предгорья, но главным образом распространены на равнине, на обоих берегах Куры.

О. А. Даниелян (Баку) — «Кувшинное погребение из Мингечаура с парным захоронением». В Мингечауре выявлен единственный случай парного захоронения в кувшине.

Упомянутое погребение по могильному инвентарю аналогично ранним кувшинным погребениям Мингечаура, датированным монетами I века до н. э. В то же время железный перстень, серебряные серьги и др. сближают мингечаурское кувшинное погребение с парными захоронения-

ми в кувшинах из Самтавро. Случаи обнаружения парного захоронения наводят на мысль о своеобразном, неизвестном еще нам, обряде захоронения.

Секция средневековой истории

В. М. Арутюнян (Ереван) — «Караван-сарай и мосты средневековой Армении». На территории Советской Армении сохранилось значительное количество караван-сараяв и мостов, сооруженных вдоль дорог. В караван-сараях хорошо сочетаются функциональное назначение с архитектурно-пространственным решением. Они характеризуются определенной типизацией планового и конструктивного решений. Здания караван-сараяв можно делить на две группы: а) однозальные и многозальные, б) харапары — постоянные дворы городского типа, несколько отличаются по своему планировочному и архитектурному решению. Средневековые мосты представляют комплекс сооружения с арочным перекрытием мостового пролета. Сооружались мосты преимущественно однопролетные, но имелись также многопролетные.

Х. А. Мушегян (Ереван) — «К истории денежного обращения и торговых связей Двина по монетным находкам»¹.

Н. Н. Угрелидзе (Тбилиси) — «К производству стекла в средневековой Грузии». Вещественные памятники IV—XII вв. дают важный материал для изучения стеклянного производства.

В IV—VIII вв. в столице Грузии Мцхета развивается массовое производство стеклянных сосудов, основанное на местной сырьевой базе, становится возможным выделение типичных форм стеклянных сосудов для отдельных пунктов (Самтавро, Рустави). Стеклянные изделия раннефеодалного времени происходят из погребений, поэтому имеют однообразный облик, материал же XI—XIII вв. происходит из древних городов Грузии и свидетельствует о многообразии и высокой технике изготовления и широком распространении стеклянных изделий.

К. Г. Кафадарян (Ереван) — «Заметки об уточнении датировки основания Санаинского монастыря и постройки некоторых зданий». Санаинский монастырь был основан в 966 г. До этого на месте монастыря существовала церковь IV в., следы которой сохранились в церкви всепосвятеля (середина X в.). Весь архитектурный комплекс Санаинского монастыря относится к X—XIII вв., а не к XII—XIII вв., как считали до сего времени.

В. Джапаридзе (Тбилиси) — «Об особенностях грузинской средневековой керамики». Керамическая промышленность средневековой Грузии вполне оформлена и развита. При этом она не выпадает из общего развития закавказской и ближневосточной керамики.

Своеобразие грузинской керамики выявляется в формах некоторых сосудов, в орнаментике, в красках, тонах и в понимании художественных

¹ Доклад опубликован в «Известиях АН Армянской ССР», № 11, 1956 г.

мотивов. В силу всего этого грузинская керамика имеет вполне самобытный облик.

Д. Г. Капанадзе (Тбилиси) — «К локализации монетных дворов средневековой Грузии». Наличие 5 монетных дворов Грузии (Тбилиси, Дманиси, Ахалцих, Аниси и Карагач) засвидетельствовано монетами, имеющими соответствующие пометки. На основании других нумизматических фактов (даты, имена исторических лиц и пр.) устанавливается наличие еще трех дворов (Кутаиси, Зугдиди, Хеви или Мтиулети). Предположительно можно судить о существовании еще 3 монетных дворов (в Уплисцихе, в юго-западной Грузии и в Кахетинском царстве). Таким образом, в средневековой Грузии действовало не менее 10 монетных дворов.

Д. Атаев (Дагестан) — «Новые данные о христианстве в Нагорном Дагестане». О бытовании в Нагорном Дагестане христианской религии свидетельствуют языковые, этнографические и другие данные.

В 1955 г. в сел. Урада, Кахибского района, был открыт христианский могильник, раскопки которого показали, что погребальный обряд в основном являлся языческим, но обнаружение в погребениях больших каменных крестов позволяет связать данный могильник с христианством. Могильник датируется X—XIV вв. Христианский могильник обнаружен также в сел. Хузнах, в Цумадинском, Тляритинском, Гунибском районах. Разведки в горах показали, что в изобразительном искусстве (резьба по камню) прослеживается значительное влияние христианства. Эти данные показывают сравнительно позднее распространение ислама в горных районах Дагестана.

Р. М. Ваидов (Баку) — «Эпиграфические памятники Мингечаура». Среди многочисленных материалов Мингечаура важное место занимают эпиграфические памятники раннего средневековья, которые обнаружены при раскопках поселения № 4 (1946—1953), на левом берегу р. Куры и включают в себе албанские и древнеармянские письмена. Как албанские, так и армянские надписи найдены в храмах или в их районе. Первые из них относятся к V—VI вв., вторые к VIII—IX вв.

Изучение предметов с прочерченными буквами албанского алфавита позволяет предполагать, что албанская письменность не получила широкого распространения и была, в основном, церковной. Расшифровка этих надписей будет иметь большое значение для раннесредневековой истории Кавказской Албании.

К. Г. Кафадарян (Ереван) — «О результатах раскопок города Двина за последние несколько лет». Раскопки последних лет были сосредоточены в цитадели, в юго-западной части нижней крепости и в южном квартале города (IV участок).

В цитадели раскапывались остатки монументального кирпичного здания, сооруженного в V—VI вв. для марзпанов (правителей) Армении и использовавшегося впоследствии арабскими правителями. Раскопками нижней крепости обнаружены два здания, построенные одно над другим. Нижнее сооружено в V—VI вв. с последующим восстановлением и реконструкцией в X в., верхнее — во второй половине XII в. Эти сооружения

принадлежали нахарарам и другим высокопоставленным лицам. Большое сооружение, открытое на IV участке, претерпело ряд реконструкций с V по X вв.

В этих слоях обнаружен разнообразный археологический материал, характеризующий развитие ремесел в средневековом городе.

Н. А. Гзелишвили (Тбилиси) — «Селища средневековой Грузии». С 1948 по 1952 гг. экспедициями Института истории АН Грузинской ССР обнаружено до 300 средневековых селищ исторической области Квемо-Картли. С 1953 г. Институт истории приступил к планомерным раскопкам селища Начивчавеби, расположенного на расстоянии 3 км к западу от Тетрицкаро, в ущелье р. Чивчива. Руины его занимают 6 га и насчитывают около 34 комплексов разрушенных жилых и хозяйственных сооружений.

Раскопками открыто 5 жилых комплексов, 2 церкви, сильно разрушенная мельница. Все эти сооружения были одноэтажными, имели плоские крыши. Усадьба крестьянина состояла из основной жилой комнаты (дарбази) и расположенных рядом подсобных помещений. Недалеко от дома — саманник, сооружение для инвентаря и пр.

Археологический материал имеет прямые параллели в раскопном инвентаре грузинских городов XI—XIII вв., что дает основание отнести исследуемое селище к XI—XIII вв. Церковь, открытая в Начивчавеби, датируется I половиной XIII в.

В ходе работ зафиксированы остатки дофеодальной эпохи, а вблизи селища расположены развалины жилищ второй половины I тысячелетия до н. э.

Е. П. Алексеева (Орджоникидзе) — «Основные итоги и задачи изучения истории и культуры северо-кавказских алан». Изучение истории и культуры аланских племен имеет большое значение для создания истории народов Северного Кавказа и прежде всего потомков алан, осетин.

Особенно широкое изучение памятников аланской культуры началось после Великой Октябрьской революции. Общими усилиями историков, археологов и других специалистов в настоящее время проделана значительная работа, которую можно суммировать следующим образом.

Решен вопрос о сарматах, как предках алан, продолжается работа по увязке аланской культуры с более ранней кобанской и более поздней — осетинской, проведена периодизация памятников аланской культуры, сделаны важные выводы о социально-экономической жизни аланского общества. Несмотря на эти крупные достижения, ряд важных проблем до сих пор ждет своего разрешения.

Наиболее первоочередными из них являются: 1. Историография и источниковедение. 2. Этногенез и расселение алан. 3. Социально-экономическая жизнь Алании. 4. Духовная культура Алании. 5. Аланы вне Северного Кавказа.

Т. М. Минаева — «Городище Адюх в Черкесии». Городище Адюх располагается на правом берегу Малого Зеленчука, состоит из трех частей и обнесено дугообразной каменной стеной.

В 1951—1953 гг. на первой части городища были исследованы остатки христианской церкви и могильник с христианским обрядом погребения. В третьей части его изучен мавзолей, вокруг которого группировались погребения языческие (ранние) и христианские (поздние). В этом резко сказывается засвидетельствованный историческими источниками факт принятия аланами христианства. Возле городских ворот обнаружено жилище и исследована кладка городской стены.

В 1953—1955 гг. работа сосредоточивалась на второй части городища, которая вскрыта почти полностью. В V—VI вв. эта часть городища служила местом культовых действий. В начале VII в. здесь возникло укрепленное поселение с однотипными жилищами и отдельными прямоугольными помещениями для скота. Основными занятиями населения были земледелие и скотоводство. Меньшую роль в хозяйстве играли охота и рыболовство. Из ремесел ярче всего зафиксированы костерезное, гончарное и кузнечное. На основе всех данных устанавливается наличие натурального хозяйства.

В христианский период жизни поселения (X—XII вв.) наблюдается объединение населения, городище играет роль центра для ряда поселений по правому берегу Малого Зеленчука.

С. Г. Бархударян (Ереван) — «Возникновение и значение хачкаров». Среди памятников средневековой Армении значительное место занимают хачкары. Древнейшим прототипом их являются менгиры, которые получили свою совершенную конструкцию еще в урартскую эпоху и продолжали воздвигаться до XIX вв.

Эти стелы-хачкары воздвигались с весьма разными целями: как памятники побед, как межевые камни, как архитектурный орнамент и пр. На основе богатого иллюстративного материала докладчик показывает процесс развития хачкаров начиная с древнейших времен. Большое количество датированных хачкаров с именами авторов-художников имеет важное значение для изучения и датировки архитектурной орнаментики и архитектурных сооружений, а также для выявления школ художников-резчиков.

На заключительном пленарном заседании была принята резолюция следующего содержания:

«Участники конференции с удовлетворением отмечают большие успехи, достигнутые кавказской археологией за последнее время.

Открыты памятники нижнепалеолитических культур в Армении, Грузии и на северо-западном Кавказе. Успешно исследовалась культура верхнего палеолита в западной Грузии. Изданы обобщающие труды по палеолиту Закавказья, освещающие этот важный район, где протекал процесс становления человека и первого человеческого общества.

Громадная работа проделана в области изучения археологических культур энеолита и всех этапов медно-бронзового века, характеризующих важнейшие этапы развития местных земледельческих и скотоводческих обществ Кавказского перешейка. Выявлена зона распространения культуры кавказского энеолита (Армения, Грузия, западный Азербайджан, Дагестан и Грозненская обл.).

Значительно расширены работы в области изучения культуры замечательных памятников типа Триалети, Кировакана и других. Успешно продолжалась работа по изу-

чению культур начала железного века. Большое значение имело стратиграфическое исследование могильников Мингечаура, Самтавро, Брили и др. Открыты новые, важные для датировки, памятники (Толорс, Лчашен).

Расширена работа по изучению развития горного дела и древней металлургии. Положено прочное начало химико-технологическому изучению древних металлических изделий, проводимому в спецлабораториях АН Грузии и Азербайджана.

Больших успехов достигло советское урартоведение. Исследование урартских памятников позволило выявить широкие связи древних племен Закавказья со странами древнего Востока. Важное место в археологии Закавказья последнего десятилетия занимало исследование материальных остатков рабовладельческих государственных образований античного периода (Мцхета, Гарни и др.).

Крупные научные раскопки городов Закавказья: Дманиси, Уджармы, Рустави, Двина, Ганджи, Оренкалы и др. дали обильный материал, характеризующий развитие средневекового города и его связей со странами Востока.

Выявлено большое количество наскальных изображений в Кобыстане (АзССР) и начато их изучение.

Приступлено к систематическому изучению северо-восточного Кавказа (Дагестан и Грозненская обл.) и северо-западного Прикаспия.

Вместе с тем конференция отмечает, что наряду с отмеченными успехами в деле изучения прошлого народов Кавказа имеются еще и значительные недостатки, устранение которых будет способствовать дальнейшим успехам кавказской археологии.

К таким серьезным недостаткам относятся следующие:

1) Недостаточная координация работ между археологами Армении, Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа.

2) Неравномерное археологическое изучение всей территории Кавказа, как территориально, так и хронологически. Так, до сих пор слабо изученными остаются районы Предкавказья, Нагорный Дагестан, северный и южный Азербайджан, частично восточное Причерноморье. Очень слабо изучен неолит Кавказа.

3) Заметное отставание и по темпам и по уровню научного исторического изучения Северного Кавказа от Закавказья.

4) Явная недостаточность кадров археологов в научно-исследовательских учреждениях и музеях Северного Кавказа и в районных музеях республик Закавказья.

5) Определенное отставание публикаций и обобщающих работ от размаха ведущихся полевых исследований.

6) Неудовлетворительный полиграфический уровень археологических изданий.

7) Крайне слабое техническое оснащение экспедиций и существующих спецлабораторий.

8) Совершенно неудовлетворительное состояние охраны памятников культуры, следствием чего является массовое разрушение ценных памятников.

В целях дальнейшего развития советского кавказоведения в области археологии, древней и средневековой истории народов Кавказа, конференция считает крайне необходимым осуществление следующих предложений:

1. В научно-исследовательской работе обратить серьезное внимание на разработку теоретических вопросов. Необходимо усилить работу по изучению проблем этногенеза, по разработке исторической периодизации древнейшей истории Кавказа, выяснению связей Кавказа с древним Востоком, по изучению проблемы эллинизма, уточнению причин, условий и времени возникновения и роста городов и других важных исторических вопросов.

2. Принять энергичные меры к ликвидации белых пятен и к расширению работ по исследованию археологических памятников всех периодов, обратив особое внимание на изучение памятников каменного века (в частности, в Азербайджане и на Северном Кавказе), периода первых государственных образований, а также средневековых сел и городов Закавказья (в частности, города Анакопии, в Грузии).

3. Следует усилить работу по составлению археологических карт и разработке общей хронологической шкалы памятников Кавказа. Эти темы следует разрабатывать не

в рамках современных административных границ, а с использованием широкого сравнительного материала.

4. Добиваться применения комплексных методов в изучении разнообразных источников с привлечением специалистов смежных дисциплин (геологов, палеоботаников, антропологов, палеозоологов и др.).

5. Обратит внимание на улучшение методики археологических раскопок.

6. Всемерно содействовать организации специальных лабораторий (химических, физических и др.), добиваясь научных результатов, основанных на применении методов точных наук. Практиковать обмен опытом работников спецлабораторий.

7. Просить Президиум АН Азербайджанской ССР и руководство Дагестанского Филиала АН СССР организовать сбор материалов для углубленного научного изучения Кавказской Албании.

В целях дальнейшего улучшения самой организации исследовательской работы, конференция считает необходимым:

1) При составлении перспективного плана археологических исследований координировать работу научных учреждений республик, краев и областей Кавказа, в первую очередь между отдельными республиками Закавказья, Северного Кавказа и Крыма.

2) Всемерно расширять практику совместной работы археологов Кавказа и центральных археологических учреждений путем организации совместных экспедиций, издания совместных трудов и пр.

3) Просить Президиум АН СССР и АН закавказских республик поставить в вышестоящих инстанциях вопрос о необходимости коренного улучшения дела охраны древних памятников культуры, сосредоточив охрану в одном комитете, находящемся при Советах Министров союзных республик, при исполкомах краев и областей.

Просить также обратить внимание Министерства культуры СССР на давно назревшую необходимость повышения уровня работы краеведческих музеев, обеспечивая их специалистами по истории материальной культуры.

4) Обратит внимание издательств Академий наук на необходимость улучшения полиграфического качества археологических трудов, сопровождая их резюме на русском и каком-нибудь иностранном языке, с соответствующим увеличением листажа.

5) Считать необходимым периодическую организацию тематических совещаний или конференций по отдельным вопросам археологии и древней истории Кавказа. Так, желательно в 1958 году организовать совещание кавказоведов по вопросам периодизации древних культур Кавказа.

6) Просить Президиум АН Армянской ССР войти с ходатайством перед Правительством Армении о содействии в научной реставрации и восстановлении уникального памятника мирового значения — античного храма в Гарни.

7) Конференция считает крайне желательным принять меры к быстрой подготовке к изданию археологических материалов из Самтавро, Мингечаура, а также эпиграфических источников Закавказья.

8) Для осуществления подлинно научного руководства историко-археологическими и этнографическими работами по всему Северному Кавказу, просить Президиум АН СССР учредить единый Филиал АН СССР на Северном Кавказе, который бы координировал и направлял всю работу научно-исследовательских учреждений края в области гуманитарных дисциплин.

9) В связи с исполняющимся в 1961 году 80-летием V археологического съезда созвать в Тбилиси Кавказский археологический съезд осенью 1961 года.

10) Просить Президиумы АН закавказских республик принять меры к опубликованию трудов конференции по линии Совета по координации при Президиуме АН СССР.

11) Поднять вопрос перед Президиумом АН СССР об учреждении всесоюзного археологического общества.

Участники конференции выражают благодарность Президиуму АН Армянской ССР за содействие и большую помощь в проведении конференции.

Все участники конференции единодушны в своем стремлении добиться нужного перелома в своей работе и еще выше поднять уровень советского кавказоведения.

А. МАРТИРОСЯН